

Елена Эдмундовна Войтишек¹,
Алина Витальевна Зинченко², Яо Сун³

^{1,2}Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

³Агентство «Бочэнь»
Далянь, Китайская Народная Республика

¹e.voitishek@g.nsu.ru

²alinazin1998@gmail.com

³yaosong0311@mail.ru

ПЕРЕЧЕНЬ «ДЕСЯТЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ БЛАГОВОНИЙ» В БУДДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Аннотация: В статье рассматривается текст эпохи Сун (960–1279), известный как «Десять добродетелей благовоний» (香十德 *Сян ши дэ*), где в метафорической форме перечисляются основные функции ароматов, проявляющиеся в повседневной жизни и буддийском церемониале. Короткий, в 40 иероглифов, текст со временем стал одним из фундаментальных сочинений в традиционной культуре Китая и Японии, внедрившись повсеместно в чаньские и дзэнские практики буддийских наставников, мастеров искусств чая и благовоний. Особую интригу феномену функционирования этого текста в культуре Восточной Азии придает проблема авторства: его создание приписывают китайскому литератору Хуан Тинцзяню (黃庭堅, 1045–1105), японскому дзэнскому наставнику Иккю Со:дзюну (一休宗純, 1394–1484), вместе со своими последователями внесшим большой вклад в развитие чайных и ольфакторных практик, поэзии, каллиграфии и живописи. Их творчество целесообразно также рассматривать в рамках чаньской/дзэнской религиозной философии и буддийской литературно-художественной традиции Пяти монастырей.

Ключевые слова: «Десять добродетелей благовоний», Хуан Тинцзянь, Иккю Со:дзюн, буддийская культура, Китай, Япония

В буддизме Восточной Азии тщательный выбор видов ароматического сырья и курильниц, техники воскурения благовоний, оформ-

ление алтаря подношениями¹, проведение разнообразных церемоний с возжиганиями курений, использование ароматических палочек, спиралей и печатей для отмерения времени медитации или поминальных ритуалов, умащивание тела душистыми мазями и порошками с давних пор имеют огромное значение – как в теории и истории религии, так и в ежедневной практике буддийских монастырей и храмов. Многие из этих обычаев зародились в первых веках нашей эры, когда шло интенсивное распространение буддийских практик из Индии вместе с их адаптацией к местным религиозным культам.

К настоящему времени в Восточной Азии накоплен колоссальный опыт, касающийся изучения воздействия благовоний на физическое, эмоциональное и ментальное здоровье людей, вплоть до состояния религиозной экзальтации. Немаловажную роль в распространении знаний о благовониях, в практическом и теоретическом осмыслении их свойств и функций сыграли не только представители духовенства, но и литераторы, интеллектуалы, представители когорты «людей культуры», многие из которых были тесно связаны с буддийской традицией.

В связи с этим большое значение приобретает изучение письменного наследия средневековых мастеров благовоний, крупных литераторов, каллиграфов и живописцев, представителей буддийского духовенства, которые внесли значительный вклад в теоретическую разработку многих эстетических концепций, до сих пор сохраняющих актуальность в культуре стран Восточной Азии.

В Китае начиная с эпох Тан (618–907) и Сун (960–1279) и вплоть до середины эпохи Цин (XVIII в.) разные аспекты аромакультуры, включая религиозный, развивались под непосредственным влиянием деятельности литераторов-интеллектуалов, тем самым формировалась непрерывная культурная и религиозно-мировоззренческая традиция. Одним из текстов, оказавшим в Средние века существенное влияние на развитие религиозных практик, а также на мировоззренческую основу искусств чая и благовоний в Китае, а затем и в Японии, можно считать перечень «Десять добродетелей благовоний» (香十德 *Сян ши дэ*), создание которого традиция связывает прежде всего с именем известного поэта и каллиграфа Хуан Тинцзяня (黃庭堅, 1045–

¹ Благовония в курильницах непременно помещали на алтарь наряду с душистой водой в сосудах (санскр. *arghya*, кит. 闍伽 эце), гирляндами цветов (санскр. *kusumataḷā*, кит. 华鬘 хуамань), едой и питьем (饮食 *иньши*), светильниками (灯明 *дэн-мин*), в связи с чем все эти дары назывались «шестью видами подношений» Будде (六种供养 *лю чжун гунъян*). См. [Войтишек и др., 2023, с. 22].

1105) династии Северная Сун, большого почитателя и знатока ароматов, который часто писал под псевдонимом «Старец из горной долины» (山谷老人 *Шаньгу лаожэнь*).

Хуан Тинцзянь был главой Цзянсийской поэтической школы (江西诗派 *Цзянси ши пай*), которая придерживалась его эстетических установок и в течение долгого времени оказывала воздействие на литературную и духовную жизнь Китая и Японии². Он считался одним из «четырех ученых из Сумэнь» (苏门四学士 *Сумэнь сысюэши*) – наряду с поэтами-литераторами Цинь Гуанем (秦观, 1049–1100), Чао Бучжи (晁补之, 1053–1110), Чжан Лэем (张耒, 1052–1112). Все вместе они остались в истории литературы и искусства как известные ученики великого поэта, художника, живописца, блестящего «человека культуры» Су Ши 苏轼, или Су Дунпо (苏东坡, 1037–1101), известного своей страстью к благовониям. Из всей группы литераторов, входивших в окружение Су Ши, один Хуан Тинцзянь заслужил титул «мастера ароматов» или «благоуханного мудреца» (香圣 *сян шэн*). По признанию поэта, он был просто одержим благовониями (我有香癖 *во ю сян пи*), часто упоминал о них в своих произведениях. Достаточно указать названия благовоний, которые упоминаются в его стихотворениях: «аромат Сяоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сян*), «аромат младенца» (嬰香 *ин сян*), «ароматная печать» (篆印 *чжуаньинь*), «аромат, который чувствуется за сто ли» (百里香 *бай ли сян*) и др. [Сунь Лян, 2018, с. 31–33].

Действительно, в эпоху Сун, при которой культура благовоний достигла в Китае своего расцвета, жило большое количество литераторов, восхвалявших в своих произведениях воскурение благовоний. Но именно Хуан Тинцзянь и Су Дунпо, будучи страстными поклонниками мира ароматов, вошли в историю культуры еще как авторы трудов по технике использования благовоний в ритуальных практиках и бытовой жизни. Они оба много экспериментировали с сырьем

² Его наследие включает более 1500 стихов-*ши* и свыше 180 стихов в жанре *цы*. Стихи написаны в сдержанной манере, он избегал общественных проблем и резких оценок, любил рассуждать о принципах чань-буддизма и неоконфуцианства. Для стихов Хуан Тинцзяня характерны неожиданная композиция, необычная грамматическая структура строки, разнообразие интонаций, насыщенность реминисценциями и скрытыми цитатами. Он любил экспериментировать над формой и языком, допускал просторечия и диалектизмы. См.: Жанр *цы*: эпоха Сун (X–XII вв.). Сайт Синология. ру. URL: [https://www.synologia.ru/a/Жанр_цы_эпоха_Сун_\(X—XII_вв.\)](https://www.synologia.ru/a/Жанр_цы_эпоха_Сун_(X—XII_вв.)). Кроме того, о Хуан Тинцзяне см. Большая китайская энциклопедия изд-ва Шанс. URL: <https://shansbooks.ru/spravochnik-kitaista/khuan-tintszyan-1045-1105/> (дата обращения 09.07.2023); [Сунь Лян, 2018].

и оставили записи оригинальных рецептов смешанных благовоний, прославили их в эссе и стихах.

Китайский специалист по культуре благовоний Сунь Лян³ отмечает, что четыре названия ароматов, которые часто упоминаются в стихотворениях Хуан Тинцзяня, – а именно «аромат гармонии» (意和香 *ихэ сянь*)⁴, «необычный аромат» (意可香 *икэ сянь*), «аромат глубокого спокойствия» (深静香 *шэньцзин сянь*) и вышеупомянутый «аромат Сюоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сянь*) – указаны в авторитетном «Каталоге ароматов господина Чэня»⁵ (陈氏香谱 *Чэньши сяньпу*), который был составлен позднее, при династии Южная Сун (1127–1279). В каталоге эти ароматы определены как «четыре аромата великого Хуана» (黄太史四香 *Хуан тайши сы сянь*), что говорит о несомненном вкладе Хуан Тинцзяня в развитие культуры благовоний⁶.

В состав всех четырех упомянутых смешанных благовоний обязательным компонентом входили агаровая, сандаловая древесина и

³ Директор Центра исследований культуры благовоний Китая при Китайском фольклорном обществе в Пекине (中国民俗学会中国香文化研究中心 *Чжунго минь-су сюэхуэй чжунго сянь вэньхуа яньцзю чжунсин*). Всемерно пропагандирует «элегантный и простой гуманистический дух династии Сун», полагая, что через такие элементы китайской культуры, как музицирование на цитре *цин*, чай, цветы и благовония, следует укреплять и распространять китайскую концепцию «совершенствования моральных качеств» (修心性 *сюсиньсин*). Одновременно он старается придать новое качественное звучание культуре благовоний, которая, по его мнению, объединяет «традиционную китайскую гуманистическую мысль» и «современный эстетический дух». См. сайт «Сеть культуры благовоний Китая». 中国香文化网. URL: <http://www.xiangsheng.org.cn/channel/about> (дата обращения 03.08.2023).

⁴ Имеется в виду, что все компоненты, входившие в состав благовония, должны гармонично сочетаться между собой.

⁵ Автор каталога – Чэнь Цзин (陈敬), точные годы жизни неизвестны.

⁶ На самом деле эти «четыре аромата» не были созданы самим Хуан Тинцзянем, но стали известны благодаря своей связи с ним – названия ароматов обыгрывались в его стихотворениях, посвящались конкретным людям из его окружения. Так, «аромат гармонии» (意和香 *ихэ сянь*) составил некий Цзя Тяньси, но Хуан Тинцзянь обыграл его в десяти небольших стихотворениях; «необычный аромат» (意可香 *икэ сянь*) изначально назывался «любимый аромат» (宜爱香 *иай сянь*), но Хуан Тинцзянь посчитал это название обыденным и потому изменил его; «аромат глубокого спокойствия» (深静香 *шэньцзин сянь*) был специально разработан для Хуан Тинцзяня стариком Оуяном (欧阳); «аромат Сюоцзуна» (小宗香 *сяоцзун сянь*) был создан в честь Цзун Маошэня, малолетнего внука Цзун Бина (в китайской патриархальной системе с древности старший сын назывался Дацзун 大宗, то есть «старший наследник», а остальные потомки, включая детей и внуков, – Сюоцзун 小宗, то есть «младшие наследники») [Сунь Лян, 2018, с. 31–36].

мускус. Агаровое дерево может подавлять все виды ароматов, поэтому оно является основным, тогда как сандаловое дерево, обладая способностью далеко рассеивать запах, считается дополнительным. Совпадение основных ингредиентов этих рецептов благовоний выглядит вполне обоснованным. Все ароматы, которые любил Хуан Тинцзянь, отличались чистотой и устойчивостью, внушали покой и умиротворение. Эти запаховые предпочтения до некоторой степени являлись отражением его духовного мира⁷.

Примечательно, что в сугубо светских текстах литераторов эпохи Сун часто встречается символика, связанная с метафорами буддийского характера – «ароматные заповеди», «устранение мирских заблуждений», «очищение души и тела», «улучшить минутку для воскурения благовоний среди повседневной суеты» (букв. «мирской пыли») и пр.

Действительно, буддисты полагают, что аромат благовоний связан с понятием целостной мудрости (чистого видения)⁸, а само подношение благовоний считают особенным и священным способом связи с божествами. Добродетельный буддист, обладающий «истинным ароматом» (то есть нравственными и интеллектуальными достоинствами), стремится через подношение благовоний божествам следовать «аромату истины» на пути к нирване. Буддийская доктрина подразумевает четкий определенный набор рекомендаций по использованию различных видов благовоний в тех или иных случаях: в литературе есть описания применения разнообразных ароматических смесей на каждый день, включая такие ингредиенты, как аквилария 沉香 *чэньсян*, сандал 檀香 *таньсян*, борнеол 龙脑香 *луннаосян* (букв. «аромат мозга дракона»), аир 菖蒲 *чанпу*, мускус 麝香 *шэсян*, стиракс бензойный 安息香 *аньсисян* и др. [Войтишек, 2017, с. 45–48].

⁷ Поскольку все эти благовония являлись многосоставными, большое значение приобретали такие факторы, как качество сырья, методы обработки и сочетаемость ингредиентов. При этом особое внимание уделялось соблюдению солнечных циклов, дат и времени суток. Такие рецепты благовоний по традиции снабжались подробными инструкциями. Производство этих четырех видов благовоний включало несколько этапов: подготовка сырья, смешивание ингредиентов и проверка на совместимость, формование и сушка, упаковка и хранение. См. *Сунь Лян*. Записки об ароматах. Благоуханный мудрец Хуан Тинцзянь. Эл. энциклопедия Байду байкэ. URL: https://baike.baidu.com/item/香志香圣黄庭坚/56542574?fr=ge_ala (дата обращения 30.06.2023).

⁸ Например, в «Шурангама-сутре» это называется «достижением совершенного видения через чувство запаха», «достижением архатства через посредство чистого видения, направленного на прекрасные запахи» (перевод Д. Зильбермана). См. сайт буддийского общества «Дхарма». URL: <http://dharma.org.ru/board/topic1396.html> (дата обращения 09.07.2023).

Истоки понятия «десять добродетелей благовоний» (香十德 кит. *сян ши дэ*), вероятно, следует искать в буддизме⁹, поскольку в буддийской теории и практике существует много терминов, оперирующих числовыми классификациями («десять ступеней бодхисаттвы»¹⁰; «десять заповедей в буддизме», «устранение пяти совокупностей», «восемь чувств», «пять скандх», «восемнадцать полей восприятия реальности и чувств» и др.). Ближе всего, пожалуй, это понятие связано с широко используемым термином буддийской идеологии, а именно – с концептом «десяти добродетелей», или «десяти достоинств» (十德 кит. *ши дэ*).

Он многократно встречается в самых почитаемых буддийских священных писаниях – например, в Лotosовой сутре (法華經, кит. *Фахуа-цзин*), в Аватамсака-сутре (華嚴經, кит. *Хуаянь-цзин*), а также в комментариях и пояснениях к ним. Так, в Аватамсака-сутре упоминаются «десять добродетелей Учителя Закона» (法師十德 *Фаши ши дэ*, сутра 43), среди которых отмечены такие достоинства, как мудрость, красноречие, владение искусными приемами ведения беседы, следование Закону, обладание величием бодхисаттвы, терпение; «десять добродетелей глубокоумудрого» (善知识十德 *Шаньчжиши ши дэ*, сутра 64), где воспеваются «факелы мудрости» добродетельных Учителей; «десять добродетелей мудрости парамиты» (智波罗蜜十德 *Чжи боломи ши дэ*, сутра 18), где среди прочих отмечены такие качества, как отсутствие жадности, гнева, невежества, стремление к постижению истинной Дхармы. В других сутрах буддийского канона встречаются такие понятия, как «десять добродетелей матери» (母之十德 *му чжи ши дэ*), «десять добродетелей учеников» (弟子十德 *дицзы ши дэ*), «десять добродетелей старших» (長者十德 *чанчжэ ши дэ*), «десять добродетелей правителей» (國王十德 *гован ши дэ*), «десять добродетелей праздности» (閑居十德 *сяньцзюй ши дэ*) и т. п.¹¹

⁹ Оставляем в стороне такие широко известные понятия мировой культуры, как «десять конфуцианских добродетелей совершенного мужа», «десять божьих заповедей» православия и др.

¹⁰ См. статью А. Н. Игнатовича «Десять ступеней бодхисаттвы» (на материале сутры «Цзиньгуанмин-цзюйшэ-ванцзин»), где он рассматривает ступени просветления бодхисаттвы для постижения «высшей мудрости» и обретения нирваны в контексте изменения психического состояния личности [Игнатович, 1986, с. 69–90].

¹¹ См. эл. китайский ресурс Байкэ Байду. Десять добродетелей 十德. URL: <https://baike.baidu.com/item/十德/8412546> (дата обращения 12.08.2023). См. также [Сунь Лян, 2018, с. 43–44].

Кроме того, можно упомянуть и «Сутру о добродетельном соблюдении заповедей благовоний» (佛說戒德香經 *Фошо цзе дэ сян цзин*), где Будда описывает людей, соблюдающих «заповеди благовоний» (戒香 цзе сян)¹². Вполне логично предположить, что список «десяти добродетелей благовоний» был составлен под влиянием идей и мировоззренческих концептов буддизма. Он, по сути, представляет собой перечисление важнейших свойств и функций ароматов, проявляющихся не только в буддийском церемониале, но и в повседневной практике людей.

Ниже приведен список «десяти добродетелей благовоний», приписываемый Хуан Тинцзяню¹³:

– трогают сердце демонов и божеств (感格鬼神 кит. *ганьгэ гуишэнь*; яп. *канкаку кидзин*)¹⁴;

– очищают дух и тело (清淨心身 кит. *цинцзин синьшэнь*; яп. *сё:дзё: синдзин*);

– устраняют грязь и скверну (能除污穢 кит. *нэнчу ухуэй*; яп. *но:дзё оэ*);

– способствуют крепкому сну с приятным пробуждением (能覺睡眠 кит. *нэнцзюэ шуймянь*; яп. *но:каку суймин*)¹⁵;

– в атмосфере спокойствия способствуют обретению друзей (靜中成友 кит. *цзин чжун чэн ю*; яп. *сэйтю: дзё:ю:*)¹⁶;

– в мирской суете позволяют предаться праздности (塵裏偷閑 кит. *чэньли тоусянь*, яп. *дзинри юкан*)¹⁷;

– большое число благовоний не является излишеством (多而不厭 кит. *до эр бу янь*, яп. *тадзи фуэн*)¹⁸;

¹² Перевод см. [Войтишек, 2017, с. 45–46].

¹³ Список дается по: [Сунь Лян, 2018, с. 30; Дзимбо Хироюки, 2003, с. 342]. Пер. с кит. и яп. яз. Е. Э. Войтишек и А. В. Зинченко.

¹⁴ В Японии это понятие трактуется также как обострение органов чувств, как у демонов и божеств. См. японский сайт «Истоки благовоний» Ко:гэн (香源). Что такое «Десять добродетелей благовоний?». URL: <https://www.kohgen.com/column/koh/jittoku/> (дата обращения 07.07.2023).

¹⁵ Воскурение благовоний сродни медитации, когда сознание достигает одновременно состояния «ума» и «не-ума», позволяя привести свой дух в состояние энергичного бодрствования после спокойного сна.

¹⁶ Воскурение благовоний создает ощущение умиротворения, к тому же помогает избавиться от чувства одиночества.

¹⁷ То есть «выкроить минутку для отдохновения посреди повседневной суеты» (букв. «мирской пыли»). Воскурение благовоний приносит покой и умиротворение особенно в самые занятые дни.

¹⁸ Если практиковать воскурение благовоний часто, это не будет во вред.

- даже малого количества благовоний достаточно (寡(少)而為足 кит. *гуа (шао) эр вэй цзу*; яп. *кани исоку*)¹⁹;
- благовония при длительном хранении не портятся (久藏不朽 кит. *цзю цан бусю*, яп. *кю:дзо: фукю:*)²⁰;
- нет преград для частого использования (常用無障 кит. *чанъюн у чжан*, яп. *дзэ:ё: мусё:*).

Хотя вышеприведенный перечень состоит всего лишь из нескольких предложений в 40 иероглифов, в нем в метафорической форме представлена оценка основных характеристик ароматов и разъяснение значения их использования. Короткий текст был высоко оценен знатоками благовоний прежде всего благодаря высокому авторитету сунских литераторов из окружения Су Дунпо и известности самого Хуан Тинцзяня.

Как отмечает китайский исследователь Сунь Лян, поэтический стиль Хуан Тинцзяня отличается большой выразительностью, обилием романтических оборотов, метафор, риторических вопросов. Для его поэзии в основном характерны 5-, 6- и 7-словные строфы, хотя встречаются и строки из четырех иероглифов. Тот факт, что в списке «десяти добродетелей» использован как раз 4-словный размер, говорит о том, что автор для придания торжественности и авторитетности тексту обращался к 4-словному размеру древней антологии «Книга песен» (詩經 *Ши цзин*), одному из самых известных классических произведений китайской словесности. Сам текст перечня отличается энергичностью, художественной искусностью и некоторой философичностью. Его определенно можно назвать выдающимся произведением среди 4-словных стихотворений, созданных в эпоху Сун. Все десять предложений независимо от содержания и художественной концепции посвоему элегантны и метафоричны [Сунь Лян, 2018, с. 36–37].

При этом ученый признает, что терминология и философская глубина этого текста неизбежно уступают другим произведениям Хуан Тинцзяня. По сравнению с другими произведениями (стихами и эссе) автора в «Десяти добродетелях» недостает философской глубины, хотя очень подробно представлены функции благовоний [Там же].

На самом деле нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих авторство Хуан Тинцзяня в отношении этого текста.

¹⁹ Благодетельное воздействие благовоний на организм человека обеспечивается даже малым их количеством.

²⁰ Аромат сохраняется долго – смолистая древесина не гниет и своим бессмертием дает бессмертие душе.

Ряд исследователей подвергает его сомнению, поскольку найти это произведение среди сочинений Хуан Тинцзяня невозможно. Эта загадка давно не дает покоя ученым Китая и Японии: они исследуют тайну авторства текста, прежде всего, с точки зрения стиля и идейного содержания.

Анализ поэтических приемов, встречающихся в перечне «десяти добродетелей», выводит на сочинения Хуан Тинцзяня. Так, к ним относится знаменитая метафора 塵裏偷閑 *чэньли тоусянь* «в мирской суете предаться праздности». Эта фраза встречается в известном сочинении поэта «В ответ Цзы Чжанцзи – два стихотворения» (子瞻继和复答二首 *Цзы Чжанцзи хэ фуда эр шоу*), где во втором из двух шестисловных четверостиший Хуан Тинцзянь использует метафору «в пыли девяти дорог предаться праздности» со значением «посреди мирской суеты улучшить минутку для отдыха» (九衢塵裏偷閑 *цзю цюй чэнь ли тоусянь*). Стихотворение звучит следующим образом:

迎燕温风旖旎，润花小雨斑斑。
一炷烟中得意，九衢尘里偷闲。

*Ин ян вэнь фэн нини, жуньхуа сяюуй баньбань.
И чжун янь чжун дэ и, цзю цюй чэнь ли тоусянь.*

«Встречаю ласточек с весной, нежно дует ветерок, накрапывает дождь и увлажняет цветы. Окутанный ароматным дымом, наслаждаюсь приятными минутами праздности в суетном мире»²¹.

Китайский специалист Сунь Лян полагает, что именно по наличию этой метафоры современные японские ученые предположили авторство Хуан Тинцзяня для всего перечня «десяти добродетелей благовоний», тогда как вплоть до конца периода Эдо в последней четверти XIX в. в Японии авторство текста приписывалось монаху Иккю Со:дзюну [Сунь Лян, 2018, с. 34–37, 43–44].

²¹ Текст в переводе Е. Э. Войтишек и Яо Суна приводится по: Сеть древних стихов в жанре *цзы* 古诗词网. URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x24023a74> (дата обращения 09.08.2023). Можно предложить поэтический перевод этого стихотворения:

«Встречаю ласточек, и ветер
Кольшет влажные цветы...
Дал позабыть про всё на свете,
Отринуться от суеты
Дым ароматный. Здесь, в саду
В нём смыслы новые найду...»

(стихотворное переложение А. В. Войтишека).

Среди тех, кто сомневается в авторстве Хуан Тинцзяня, можно назвать вышеупомянутого Сунь Ляна. По его мнению, текст мог быть составлен теми, кто был хорошо знаком с его творчеством и деятельностью [Сунь Лян, 2018, с. 29]²². Действительно, с одной стороны, это могли быть и китайские интеллектуалы, «люди культуры» (文人 *вэнь-жэнь*) из круга единомышленников Су Дунпо и Хуан Тинцзяня, а с другой стороны – японские почитатели обширного культурного наследия Китая, среди которых было много видных литераторов, поэтов, известных буддийских наставников и монахов. Впоследствии этот список широко распространился в Японии, став основой для многих аналогичных перечней «добродетелей благовоний» и «добродетелей чая», созданных известными буддийскими монахами и чайными мастерами. Похожие списки «десяти добродетелей чая» (茶の十徳 *тя-но дзиттоку*) появились в Японии уже в конце XII в. в среде буддийского монашества.

Вероятно, одним из первых японских создателей таких списков можно считать Мё:э Сё:сина (明恵上人, 1173–1232) – дзэнского наставника раннего периода эпохи Камакура²³. Мё:э выращивал чайные кусты в храме Ко:дзандзи (高山寺) в Киото и вслед за своим учителем Эйсаем (栄西, 1141–1215)²⁴ продолжал развитие чайного дела в Японии. В заслугу Мё:э приписывается создание списка трех основных назначений чая: чай должен был избавлять от сонливости, неправиль-

²² В аргументации китайского ученого есть серьезное соображение, которое дает основание усомниться в авторстве Хуан Тинцзяня. Несмотря на то что в тексте присутствуют такие художественные приемы, как антитеза («много благовоний» – «мало благовоний»), синтаксический параллелизм («в тишине» 静中 – «в мирской пыли» 塵裏), метафора жизненной суеты через типичное для китайской литературы понятие «мирской пыли», такой крупный знаток формы, поэт и стилист, как Хуан Тинцзянь, не мог допустить отсутствие рифмы даже в коротком сочинении: это было бы вопиющим нарушением традиционных норм китайского стихосложения [Сунь Лян, 2018, с. 37]. Действительно, в тексте списка «добродетелей» только в четырех предложениях можно найти рифму (神/身 *шэнь-шэнь*; 眠/閑 *мянь-сянь*), в остальных шести фразах она отсутствует.

²³ Святой Мё:э (明恵上人), или Святой Тоганоо (桐尾上人), известный также под монашеским именем Ко:бэн (高弁), был приверженцем двух основных дзэнских школ Кэгон и Сингон, прослыл великим реформатором буддизма. Он оставил обширное письменное наследие – трактаты, стихотворения в жанре *вака*, практические руководства по медитации, эссе и дневники.

²⁴ Эйсай (栄西) – первый патриарх и основатель школы Риндзай (臨濟宗), принадлежащей к ветви храма «Пяти монастырей» Кэнниндзи (建仁寺). Является одним из первых популяризаторов чая в Японии. По легенде считается, что именно Эйсай первым привез чайный куст в Японию в 1191 г. после поездки в Китай.

ного положения тела и рассеянности мыслей. Считается, что именно благодаря мастеру Мё:э чай вышел за пределы дзэн-буддийских монастырей.

Более того, он известен тем, что изготовил котел для кипячения воды, используемой в чайной церемонии, с записью перечня «десяти добродетелей чая», куда входили многие полезные его свойства, влияющие на физическое и ментальное здоровье. Список полезных функций чая в дальнейшем был несколько дополнен и переработан знаменитыми чайными мастерами: свои перечни оставили видный общественный деятель, представитель дзэнской школы Риндзай-сю: (臨濟宗) и поэт Такэно Дзё:о: (武野紹鷗, 1502–1555), а также его выдающийся ученик, считающийся основателем японской чайной школы Сэн-но Рикю (千利休, 1522–1591) (См. [Войтишек, 2011, с. 181–188]; [Цуногава садо: дайджитэн, 1991, с. 900]).

Вследствие общности кругов деятелей искусств чая и ароматов в Японии, их тесной связи с литературными течениями и средневековыми религиозными школами теоретические постулаты и эстетические концепции процессуальных искусств тоже часто переплетались. Яркий пример такого взаимодействия – многолетнее общение вышеупомянутого чайного мастера Такэно Дзё:о: с выдающимся представителем искусства благовоний Сандзё:ниси Санэтака (三条西実隆, 1455–1537), составившим со своим окружением классификацию видов ароматической древесины аквилярии «Шесть стран – пять вкусов», не потерявшую актуальности и по настоящее время [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 441].

Особая роль в истории освоения перечня полезных свойств чая и благовоний в контексте развития «пути аромата» в Японии принадлежит литератору Иккю Со:дзюну (一休宗純, 1394–1484)²⁵. Иккю Со:дзюн относится к числу выдающихся деятелей средневековой японской культуры. Отличаясь разнообразными талантами в области классической литературы на китайском языке, поэзии, каллиграфии и живописи, он оказал большое влияние на эстетику чайной церемонии и связанное с ней искусство благовоний. В истории японского дзэн-буддизма он прослыл одной из самых значительных и при этом эксцентричных фигур, нарушавших религиозные устои. Будучи настоятелем храма Дайтоку-дзи (大徳寺) в Киото и приверженцем одной из дзэн-буддийских школ Риндзай-сю:, преподобный Иккю Со:дзюн, бесспорно, был знаком со списком Хуан Тинцзяня. Приписываемый

²⁵ См. о нем: [Штейнер, 1991]; [Штейнер, 2006]; [Штейнер, 1987]; [Steiner, 2014]; [Онищенко, 2012]; [Предания о дзэнском монахе Иккю..., 2014].

ему перечень достоинств благовоний (香の十徳 *Ко:-но дзиттоку*) практически полностью повторяет список «десяти добродетелей» китайского мастера и наряду с аналогичным списком «добродетелей чая»²⁶ до сих пор используется не только в центрах процессуальных искусств чая и благовоний, но и в буддийских практиках по всей Японии.

При анализе культурно-исторического фона появления этого перечня в Японии несомненную ценность представляют такие японские сочинения, как «Слива из скромной обители искусства благовоний» (香道賤家梅 *Ко:до: сидзугая-но умэ*, 1748) и «Сад орхидей искусства благовоний» (香道蘭之園 *Ко:до: ран-но эн*, 1763)²⁷. Сразу в первом свитке обоих произведений речь идет о «десяти добродетелях благовоний», где в качестве автора указано имя Иккю Со:дзюна (См. [Ко:до: ран-но эн, 2003, с. 19–20]).

При этом в настоящее время представители авторитетных японских компаний по производству благовоний указывают, что подлинным автором списка является китайский поэт Хуан Тинцзянь, а Иккю Со:дзюн только поспособствовал его распространению в Японии²⁸.

²⁶ Самыми известными авторами, оставившими свои списки «десяти добродетелей чая», считаются вышеупомянутые корифеи японского чайного искусства – Мё:э Сё:син, Такэно Дзё:о., Сэн-но Рикю. С их перечнями полезных функций чая можно познакомиться по изданию [Войтишек, 2011, с. 181–182]. И сегодня в Японии чайные компании обращаются к этому наследию. Тому пример – одна из старейших японских компаний по производству зеленого чая и чайной продукции Ямамотоэн (山本園, Yamamotoen Co.Ltd, основана в 1870 г.). На ее сайте представлен список, составленный в XVI в. мастером Такэно Дзё:о. Однако в соответствии с запросами современного потребителя в комментариях к каждому изречению указаны преимущественно сведения информационного и медицинского характера (например, «танины и аминокислоты, содержащиеся в чае, поддерживают баланс организма», «травяной чай способствует здоровому образу жизни и снятию стресса», «чашка чая в кругу семьи дарует благоговение божеств без молитвы» и т. п.). URL: <https://www.yamamotoen.co.jp/news/archives/577> (дата обращения 11.08.2023).

²⁷ Знаменитые сочинения по культуре ароматов и истории искусства *ко:до*: середины эпохи Эдо (конец XVIII в.), их считают своеобразной «библией искусства *ко:до*:», где затронуты сведения по способам приготовления и рецептуре благовоний, использованию инструментария, методам изготовления «смешанных благовоний» 組香 *кумико*; известным школам этого искусства. См. [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 337–338], [Ко:до: ран-но эн, 2003, с. 19–20].

²⁸ См., например, официальный сайт одной из старейших компаний Байкундо: (梅薫堂), основанной в 1850 г. на о. Авадзи. URL: <http://www.baikundo.co.jp/> (дата обращения 07.08.2023). Схожего мнения придерживается и глава крупнейшей японской компании Сё:эйдо: (松栄堂) в Киото госп. Хата Масатака (畑正高), который тем не менее в личных беседах сетует на отсутствие убедительных доказательств авторства Хуан Тинцзяня.

Кроме того, японские специалисты в качестве возможного автора-интерпретатора идей Хуан Тинцзяня называют не только Иккю Со:дзюна, но и Такэбэ Такакацу (建部隆勝)²⁹. Высказывается также предположение, что перечень «десяти добродетелей» был создан в Японии в начале периода Эдо (1603–1868) их последователями или главой какой-либо школы благовоний.

Тем не менее для подавляющего большинства японских ценителей благовоний практики наслаждения ароматами были связаны, прежде всего, с именами авторитетных буддийских наставников и мастеров из Китая, поэтому со временем за этим перечнем и закрепилось имя Хуан Тинцзяня. Этот список хорошо известен в Японии и до сих пор почитается как один из фундаментальных текстов японской культуры благовоний.

Неслучайно не только среди китайских интеллектуалов, но и в традиции глав школы Сино-рю: (志野流)³⁰ из поколения в поколение входило каллиграфическое исполнение перечня «Десяти добродетелей благовоний». Такие списки в Китае и Японии с давних пор украшают помещения во время церемоний воскурения ароматов. Среди них есть свитки с перечнем их «десяти добродетелей», каллиграфически исполненные разными главами японской школы Сино-рю:, представителями 15-го, 18-го, 19-го, 20-го поколения рода Хатия (蜂谷宗)³¹. Показательно, что в свитке 18-го главы школы Хатия Гун-

²⁹ Такэбэ Такакацу (годы жизни неизвестны) – большой знаток благовоний, живший в конце XVI в., был знаком со многими ценителями ароматов, считается одним из основоположников школы Сино-рю:, служил Ода Нобунага. В 1573 г. в сочинении «Записи об ароматах» (香之記録 *Ki-no kiroku*, или 隆勝香之記 *Такакацу ко:-но ки*) он впервые классифицировал виды агаровой древесины по аромату и местам произрастания, что впоследствии приобрело широкую известность и стало называться «шесть стран – пять вкусов». См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/建部隆勝> (дата обращения 04.07.2023).

³⁰ Старейшая школа изучения культуры и искусства благовоний, сохранившаяся с середины XV в. до наших дней, основана Сино Со:син (志野宗信, 1443–1523). В настоящее время глава школы Ю:ко:сай Со:гэн (幽光斎宗玄, род. в 1939 г.) является 20-м *измото* школы, ведущей свою историю с середины эпохи Муромати (1338–1573). Сейчас существует около 200 школ в Японии и множество филиалов в разных городах мира – Париже, Ницце, Милане, Болонье, Пекине, Шанхае, Ханчжоу, Тайбэе и др. Глава школы Сино-рю: также является *измото* школы чайной церемонии Сино-рю: (志野流茶道 *Сино-рю: садо:*). См. эл. ресурс википедии на яп. языке. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志野流> (дата обращения 05.08.2023); [Дзимбо Хироюки, с. 360–361].

³¹ Основной род, составляющий костяк школы Сино-рю:. Из этого рода уже избран следующий, 21-й глава-*измото* школ искусства чая (茶道 *садо:*) и искусства благо-

роан Со:ти (蜂谷頑魯庵宗致, 1874–1931) также в конце имеется приписка из шести знаков «Высказывание старца Шаньгу» (山谷老人之語, яп. *Санкоку ро:дзин-но го*), которые ясно указывают на авторство Хуан Тинцзяня [Сунь Лян, 2018, с. 30–31]³².

Для воссоздания обстоятельств распространения этого списка следует учитывать и особенности историко-культурных контактов между Китаем и Японией в контексте адаптации континентальных традиций на архипелаге. В связи с этим некоторые китайские и японские исследователи полагают, что перечень «десяти добродетелей благовоний» был составлен в Японии под влиянием «Литературы Пяти монастырей» (五山文学 *Годзан бунгаку*), и его автором мог быть именно Иккю Со:дзюн.

Как известно, термином *годзан бунгаку* в японской литературе обозначают комплекс прозаических и поэтических произведений на китайском языке, созданных с конца эпохи Камакура (1185–1333) до периода Муромати (1336–1573), то есть в XIV–XVI вв., дзэнскими монахами школы Риндзай из храмов, входивших в систему «Пяти горных монастырей»³³. В разные эпохи в состав Пяти монастырей входили различные храмы. Как отмечает В. Н. Горегляд, в эпоху расцвета литературы *годзан бунгаку*, к концу XIV в. (когда жил Иккю Со:дзюн) в систему Пяти монастырей входили 11 храмов: пять в Камакура (Кэнтё:дзи 建長寺, Энгакудзи 円覚寺, Дзюфукудзи 寿福寺, Дзё:тидзи 浄智寺, Дзё:мё:дзи 浄妙寺), пять в Киото (Тэнрю:дзи 天竜寺, Сё:кокудзи 相国寺, Кэнниндзи 建仁寺, То:фукудзи 東福寺, Мандзю:дзи 万寿寺), особняком над ними стоял крупнейший буддийский комплекс в Киото Нандзэндзи 南禅寺 [Горегляд, 1997, с. 351]. Старейший буддийский храм Нандзэндзи в Киото возвышался над пятью горами, поэтому его выделяли естественным образом в системе, включающей 11 дзэнских храмов, известных под общим названием «Пять гор и десять храмов» (五山十刹 *годзан дзиссэцу*).

воний (香道 *ко:до:*). Им является старший сын нынешнего 20-го *измото* по имени Хатя Исикэн-со:хицу (蜂谷一枝軒宗苾, род. в 1975 г.; настоящее имя 蜂谷貞統 Хатя Садацугу). См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/蜂谷宗苾> (дата обращения 05.08.2023).

³² В книге Сунь Ляна приведены иллюстрации свитков в исполнении четырех глав-*измото* школы Сино-рю: 15-го, 18-го, 19-го и 20-го *измото*, то есть с начала XIX в. по настоящее время [Сунь Лян, 2018, с. 31].

³³ Эта система была прямым подражанием официальной храмовой системе династии Южная Сун в Китае (五山制度 *Ушань чжиду*), которая включала пять высших чаньских храмов с настоятелями, назначаемыми императорским двором.

«Литература Пяти монастырей» охватывала широкий спектр жанров, включая дневники, эссеистическую прозу, буддийские сочинения. Как указывал исследователь поэтического наследия этого направления А. М. Кабанов, примерно половину всех монастырских сочинений составляли записи проповедей и бесед наставников с учениками, их стихи и эссе. Кроме того, широко были представлены комментарии к общепонятным и дзэнским сочинениям, полемические рассуждения, трактаты по философии и истории буддизма, уставы монастырей, коаны, путевые записки, храмовые хроники, поэтические и прозаические сборники, учебные пособия по теории китайского стихосложения, словари дзэнских терминов и др. (Цит. по: [Горегляд, 1997, с. 351]).

По всей вероятности, литература и различные виды художественного творчества служили средством совершенствования и развития самосознания буддийских монахов и во многом предшествовали непосредственным дзэнским практикам. Литература и занятия различными искусствами служили для них своеобразной дзэнской метафорой. Такая тенденция породила явление, которое в китайской традиции «Пяти гор» называли «возвеличиванием литературы и пренебрежением Путем» (重文輕道 *чжун вэнь, цин дао*)³⁴. Получая большую поддержку и щедрое содержание со стороны государства в рамках системы «пяти гор и десяти храмов», японские монахи демонстрировали свой благородный социальный статус и элегантный стиль жизни посредством культивирования китайской учености, чаньских идей и эстетических взглядов.

Разнообразные по содержанию и стилю литературные произведения *годзан бунгаку* были тесно связаны с социальной жизнью и пронизаны светской атмосферой, реализуя взаимодействие двух противоположных культур того времени – аристократической и простонародной, элегантной и вульгарной. Такой духовный сплав оказал сильное влияние на политику, культуру и мировоззрение того времени [Сунь Лян, 2018, с. 42].

Находясь в русле в этой культурной традиции, монах Иккю тем не менее был свободен от нее, всю жизнь держался независимо, не признавая авторитетов, всячески избегал официальных «Пяти монастырей». К тому же в последние годы жизни императорским указом ему было велено стать настоятелем храма Дайтокудзи 大徳寺 в Киото,

³⁴ О системе «Пять гор» в Китае см. Эл. ресурс китайской энциклопедии Байке Байду. URL: https://baike.baidu.com/item/五山文学/7877019?fr=ge_ala (дата обращения 11.07.2023).

не входящим в систему «Пяти монастырей», поэтому он не является дзэнским монахом этой системы в строгом смысле этого слова. Однако в юности Иккю некоторое время провел в храме Кэнниндзи 建仁寺, относившемся к числу официальных, и общался с его монахами, поэтому можно сказать, что духовно дзэнский мастер Иккю был все же тесно связан с культурными трендами направления *годзан бунгаку* [Сунь Лян, 2018, с. 42–43].

В книге Сунь Ляна упомянуты несколько сборников высказываний и стихотворений, приписываемых традицией монаху Иккю и созданных в эпоху Эдо, спустя несколько столетий после его смерти. По всей вероятности, все они не имеют отношения к подлинному автору, а их появление обусловлено притягательностью самой личности японского монаха, чья жизнь обросла легендами еще при его жизни³⁵. Точно так же, как в случае с китайским литератором Хуан Тинцзянем, в его трудах невозможно найти однозначного свидетельства в отношении работы над текстом «десять добродетелей благовоний».

По-видимому, в системе бестекстовой дзэнской медитации и «знания вне учения» литературно-художественные опыты обитателей монастырей служили своеобразными проводниками в мир чувственных переживаний в состоянии просветления *сатори*.

Достижению этого состояния во многом способствовали благовоения, вкушение которых создавало ощущение, что сердце заполняет собой все пустоты, когда ничего не существует, кроме сердца, когда обостряется внутреннее видение, достигается состояние просветления и становится ясным Путь. Недаром среди буддистов популярна знаменитая история, изложенная в «Шурангама-сутре» (大佛頂首楞嚴經 *Дафо дин шоу лэн янь цзин*) о мальчике, испытавшем благоговение перед ароматами, – острое обоняние, художественное чутье и проницательность позволили ему через очистительные практики начать проповедовать истинное учение.

Помимо запаха, китайская культура благовоний традиционно уделяет особое внимание также и дыму, образующемся при сжигании ароматического сырья. В процессе использования благовоний воз-

³⁵ Среди упомянутых Сунь Ляном сборников изречений и произведений, приписываемых Иккю Со:дзюну, указаны, например, такие: «Иккю бранится» (一休咄), «Истории из разных мест об Иккю» (一休諸國物語), «Забавные истории Иккю из района Канто» (一休關東咄), «Рассказы о мудрости Иккю» (一休頓智談) [Сунь Лян, 2018, с. 41].

жигание является одним из важнейших способов наслаждения ароматом. В религиозных верованиях дым от сжигания сырья часто выступает признаком законности ритуала. Этот дым состоит из видимых частиц, которые в большом количестве перемещаются по воздуху, создавая визуальные образы в дополнение к вкусу и обонянию [Сунь Лян, 2018, с. 35]. Будучи побочным продуктом сжигания благовоний, он также обладает культурной символикой. Так, в древних ритуалах жертвоприношений Небу столбы дыма играли роль посредника между Небом и человеком. «Люди культуры» эпох Тан (618–907) и Сун (960–1280), как правило, предпочитали виды наслаждения ароматом, которые сопровождались появлением струек сизого дыма, тогда как бездымные способы воскурений благовоний были не так популярны³⁶. Наблюдения за поведением дыма давали людям пищу для размышлений и мечтаний, для визуализации различных образов, в том числе религиозных, в ритуалах гадания и медитации³⁷.

В дальневосточных буддийских практиках издавна существует специфическая «медитация через кончик носа» (鼻端參禪 *бидуань цаньчань*), когда «пустота вкушения аромата» (參香的空性 *цань сянь дэ кунсин*) «проходит повороты и изгибы» – букв. «три излома на одной волне» (一波三折 *и бо сань чжэ*). Способ вкушения благовоний у буддистов предполагает сосредоточение на процессе. Это значит, что, во-первых, надо избавиться от разных посторонних запахов; во-вторых, надо научиться «созерцать нос» (鼻觀 *би гуань*), визуализировать вкус и аромат (觀想趣味 *гуаньсян цюйвэй*), а затем ощутить послевкусие и сосредоточиться на мысли (然後回味, 肯定意念 *жаньхоу хуэйвэй, кэньдин инянь*) [Сунь Лян, 2018, с. 12].

Понятие «белый кончик носа» (鼻端白 *би дуан бай*) касается одного из методов буддийской созерцательной практики, подразумевающей сосредоточение внимания на кончике носа, который через некоторое время практикующему кажется белым.

³⁶ Показательным примером отношения к ароматам является знаменитое эссе «Шесть записок о быстротечной жизни» цинского литератора Шэнь Фу (1763–1808?), где даются выразительные описания образной символики и эстетики процесса воскурения благовоний, особенно в главе «Приятное безделье» (閑情記趣 *Сяньцин цзицюй*). См. фрагменты в переводе К. И. Голыгиной [Шэнь Фу, 1979, с. 59–66].

³⁷ При этом форма благовония зачастую определяла способ его дегустации. Кроме того, восприятие запахов различалось в разные эпохи, что было обусловлено ожидаемым эффектом от их вкушения, особенностями историко-культурного фона, разными национальными вкусовыми и обонятельными предпочтениями.

В 5-м свитке «Шурангама-сутры» сказано:

《楞严经》卷五：“世尊教我及拘絺罗观鼻端白，我初谛观，经三七日，见鼻中气出入如烟，身心内明，圆动世界，徧成虚净，犹如琉璃，烟相渐销，鼻息成白，心开漏尽，诸出入息化为光明，照十方界，得阿罗汉。”

«Всемирный Достопочтенный (Будда) научил тогда меня и Кауштхи-лу фиксировать ум на кончике носа. Я начал медитацию и через три–семь дней увидел дыхание, которое входило в мои ноздри и выходило из них и было подобно дыму; внутренне и тело, и ум были ясными, и я смотрел сквозь внешний мир, который стал чистой пустотой, подобно хрусталу. Дым постепенно исчез, и мое дыхание стало белым. Ум открылся, и я теперь достиг состояния позади потока перевоплощений. Мои вдохи и выдохи, теперь блестящие, осветили десять направлений так, что я достиг состояния Архатства. Всемирный Достопочтенный предсказал, что я достигну Просветления»³⁸.

Хуан Тинцзянь в своих произведениях, воспевающих воскурение благовоний, нередко упоминает такой вид чаньской медитации. К примеру, можно привести стихотворение «Благодарю Цао Фана за благодеяние» (谢曹方惠物 *Се Цао Фан хуэй у*):

注香上裊裊，映我鼻端白。Чжу сянь шан няняо, ин во би дуан бай.

«Созерцаю, как дым благовоний, грациозно извиваясь, поднимается и искрится светом на кончике моего носа»³⁹.

Можно утверждать, что литературное творчество Хуан Тинцзяня оказало большое влияние в целом на культуру *годзан бунгаку*. Сунь Лян утверждает, что к этому времени стихи великих китайских мастеров Су Дунпо и Хуан Тинцзяня широко распространились по Японии. Во всяком случае, монахи «Пяти монастырей» изучали их произведения и сами публиковали, тем самым создавая «годзанскую версию» (五山版 яп. *годзанбан*) поэтических антологий обоих литераторов. В поэзии Су Дунпо японские монахи ценили безудержный и необузданный стиль, полный эмоций и темперамента, а произведения Хуан Тинцзяня привлекали их философской глубиной, чувственностью и смысловой наполненностью. В дневниках многих выдающихся японских монахов есть упоминания о том, что они читали и

³⁸ Текст фрагмента сутры на кит. яз. см. URL: <https://baike.baidu.com/item/鼻端白/10039396> (дата обращения 08.07.2023). Перевод на рус. язык см. Секреты китайской медитации. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ю/yuj-lyu-guanj/sekreti-kitajskoj-meditacii/3> (дата обращения 08.07.2023).

³⁹ Эл. ресурс китайской энциклопедии Байкэ Байду. URL: <https://baike.baidu.com/item/鼻端白/10039396> (дата обращения 08.07.2023). Перевод Е. Э. Войтишек.

изучали произведения китайских мастеров. Существует целая японская комментаторская традиция к стихотворным антологиям Су Дунпо и Хуан Тинцзяня [Сунь Лян, 2018, с. 42–43].

Литераторы направления *годзан бунгаку* так восхищались китайскими авторами, что среди монахов появилась знаменитая поговорка: «Дунпо, Шаньгу⁴⁰, мисо, соевый соус» (东坡、山谷、味噌、醤油 кит. *Дунпо, Шаньгу, вэйцзэн, цзянъю*). Это означало, что, подобно тому, как *мисо* (паста из перебродивших соевых бобов) и соевый соус являются незаменимой пищей в ежедневном рационе монахов, так и Су Дунпо и Хуан Тинцзянь обеспечивают им необходимую духовную пищу (Цит. по: [Сунь Лян, 2018, с. 43–44]). Такие факты говорят об обширном и глубоком влиянии Хуан Тинцзяня на японскую культуру.

Из всего вышесказанного следует, что китайский литератор эпохи Сун Хуан Тинцзянь и японский деятель дзэн-буддизма Иккю Со:дзюн эпохи Муромати, связанные между собой через текст «Десять добродетелей благовоний», считаются ключевыми фигурами культуры *годзан*. Первый был наиболее почитаемым поэтом среди монахов дзэнских монастырей, входивших в японскую систему «Пяти гор и десяти храмов», а второй являлся фактически олицетворением этой самой системы. И хотя невозможно установить подлинного автора средневекового текста о десяти добродетелях благовоний, понятно, что его содержание вобрало в себя религиозные, мировоззренческие и художественные представления выдающихся деятелей культуры Китая и Японии. Неслучайно на этот текст так похожи по идейному содержанию и композиционной структуре перечни «десяти добродетелей чая», созданные в течение XIII–XVI вв. японскими чайными мастерами и дзэнскими монахами⁴¹.

В связи с этим можно утверждать, что для создания перечня «десяти добродетелей благовоний» была использована буддийская традиция выделения подобных списков в качестве общей схемы. Что касается содержания, то можно выявить влияние философских воззрений и литературно-художественных идей Хуан Тинцзяня. Если исходить из того что к созданию списка мог быть причастен монах Иккю Со:дзюн, то можно сказать, что текст «Десять добродетелей благовоний» определенно создавался под сильным культурным воздействием дзэнской школы Пяти монастырей в Японии.

⁴⁰ Здесь использован творческий псевдоним Хуан Тинцзяня – «Старец из горной долины» (山谷老人 *Шаньгу лаожэнь*).

⁴¹ Любопытно, что одежда чайных мастеров, надеваемая на официальных церемониях, называется «десять добродетелей» (十德) [Сунь Лян, 2018, с. 45].

Кем бы ни был автор текста, это не простое перечисление функций и достоинств благовоний – сочинение представляет собой высокоуровневое обобщение присущих ароматам характеристик. За ним стоит сложная и кропотливая работа, связанная с анализом и классификацией многих явлений традиционной культуры – философии, религии, медицины, этических и эстетических взглядов, коммуникативных представлений, через изучение которых можно выявить закономерности цивилизационного взаимодействия материка и архипелага, адаптации и эволюции культурных кодов.

Литература

- Войтишек Е. Э.** Ароматическая древесина аквиларии в буддийских и даосских практиках Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, вып. 4: Востоковедение. С. 44–52.
- Войтишек Е. Э.** Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. 2-е изд., испр. и дополн. 311 с., 44 с. илл.
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Рябышев П. Д.** «Ароматические печати» в китайском эзотерическом буддизме // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Мат-лы V Междунар. науч. конф. 7–8 окт. 2022 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. С. 21–32. DOI 10.25205/978-5-4437-1405-9-21-32
- Горегляд В. Н.** Японская литература VIII–XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 416 с. (Orientalia)
- Дзимбо Хироюки.** Ко:до:но рэкиси дзитэн [神保博行. 香道の歴史事典]. Словарь по истории искусства благовоний. Токио: Касива-сёбо, 2003. 454 с.
- Игнатович А. Н.** «Десять ступеней бодхисаттвы» (на материале сутры «Цзинь-гуанмин-цзюйшэ-ванцзин») // Психологические аспекты буддизма / Отв. ред. Н. В. Абаев. Новосибирск: Наука, 1986. С. 69–90.
Ко:до: ран-но эн [香道蘭之園. 尾崎佐永子、薫遊舎校注]. Сад орхидей искусства благовоний / Под ред. Одзаки Саэко и Кунъюся. Киото: Танко:ся, 2003. 459 с.
- Онищенко В. А.** Иккю Содзюн и «Рассказы об Иккю»; Рассказы об Иккю. Избранное // Человек и культура Востока: исследования и переводы, 2010 / Сост. и отв. ред. В. Б. Виноградская. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. 257 с.
- Предания о дзэнском монахе Иккю по прозвищу «Безумное Облако» / Пер. с яп. В. А. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2014. 464 с.
- Сунь Лян.** Сян чжи. Сян шэн Хуан Тинцзянь [孙亮. 香志 — 香圣黄庭坚]. Записки об ароматах. Благоуханный мудрец Хуан Тинцзянь. Пекин: Чжи ши чаньцюань чубаньшэ, 2018. 120 с.
- Цуногава садо: дайджитэн [角川茶道大辞典]. Энциклопедия Цуногава по чайному искусству / Под ред. Хаясия Тацусабуро: в 2 т. Киото; Токио: Цунокава сётэн, 1991. Т. 1. 1360 с.

- Штейнер Е. С.** Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 283 с.
- Штейнер Е. С.** «Ветка сливы» Иккю // Сад одного цветка. Сборник статей и эссе / Сост. и отв. редактор Н. И. Пригарина. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Штейнер Е. С.** Иккю Содзюн: творческая личность в контексте средневековой культуры. М.: Наука, 1987. 275 с.
- Шэнь Фу.** Шесть записок о быстротечной жизни / Пер. с кит., предисл. и коммент. К. И. Гольгиной. М.: Наука, 1979. 152 с.
- Steiner E. S.** *Zen-Life: Ikkyu and Beyond.* Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 475 p.

Elena E. Voytishek¹, Alina V. Zinchenko², Yao Song³

^{1,2}*Novosibirsk State University, Novosibirsk,
Russian Federation*

¹*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³*Bochen Agency, Dalian,
Peoples Republic of China*

“TEN VIRTUES OF INCENSE” IN BUDDHIST TRADITION OF CHINA AND JAPAN

Abstract: This article is based on the text known as “Ten Virtues of Incense” (香十德 *Xiang shí de*) written during the Song dynasty (960–1279). In this text, the fundamental functions of incense, manifesting in everyday life and Buddhist ceremonies, are listed in a metaphorical form. This short text, consisting only of 40 Chinese characters, over time, has become one of the fundamental works of traditional Chinese and Japanese culture, exerting its influence on the Chan and Zen practices of Buddhist masters, as well as on the arts of tea and incense. The question of authorship adds extra intrigue to the phenomenon of this text’s diffusion within East Asian culture: its creation is attributed to the Chinese poet Huang Tingjian (黃庭堅, 1045–1105) as well as to the Japanese Zen master Ikkyū Sōjun (一休宗純, 1394–1484), and their fellow disciples who played a significant role in the development of tea and olfactory practices, poetry, calligraphy, and painting. Their artworks should also be considered within the context of the Chan/Zen religious philosophy and the Buddhist artistic tradition of the Five Mountains.

Keywords: “*Ten Virtues of Incense*”, *Huang Tingjian, Ikkyū Sōjun, Buddhist culture, China, Japan.*